

Иосиф Михайлович Дзялошинский,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИЙСКОЙ

МОЛОДЕЖИ:

РОЛЬ И МЕСТО СОБЫТИЙ 1917 ГОДА

Проблема идентичности впервые была осознана в Древней Греции. Тогда и был сформулирован языково-культурный принцип идентификации: всякий, кто говорит по-гречески, – эллин, а говорящий на ином языке, – варвар.¹

Великие мыслители древности – Сократ, Платон, Аристотель – размышляя об этической составляющей человеческого поведения, в той или иной степе-

¹ Кондаков И.В., Соколов К.Б., Хренов Н.А. Цивилизационная идентичность в переходную эпоху: культурологический, социологический и искусствоведческий аспекты. – М.: Прогресс-Традиция, 2011. С. 35.

ни затрагивали проблемы идентичности. Отдельные мыслители более поздних эпох указывали на связь личной идентичности с общечеловеческой. Так, Джон Локк² пришел к выводу, что персональная идентичность поддерживается единым сознанием человечества. Юм, напротив, полагал, что никакого общечеловеческого самосознания нет, да и персональная идентичность является фикцией.³

В XX веке первые попытки объяснить принципы и важность культурной идентификации были предприняты Зигмундом Фрейдом. Благодаря его работе «Групповая психология и анализ Эго» понятия «идентичность» и «идентификация» стали широко известны в гуманитарном знании. Фрейд «...рассматривал идентичность как попытку ребенка (или – слабого человека) перенять силу отца, матери (или – лидера) и значит уменьшить чувство страха перед окружающим миром».⁴

² Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Соч.: в 3 т. – М., 1985. Т. 1.

³ См.: Harold Noonan. Personal Identity. – London, 1989. P. 77-103.

⁴ Сапожникова Р.Б. Анализ понятия «идентичность»: теоретические и методологические основания // Вестник ТГПУ. 2005. № 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/analiz-ponyatiya-identichnost-teoreticheskie-i-metodologicheskie-osnovaniya>

Во второй половине XX века ученые из разных областей знания активно интересовались идентичностью. Можно указать на работы Ж.Ж. Бодрийяра о симулякрах,⁵ представления И. Гоффмана об управлении «испорченной идентичностью»,⁶ концепцию «борьбы идентичностей» Р. Фогельсона,⁷ идею «бегства от свободы» Э. Фромма,⁸ взгляд М. Фуко⁹ на идентичность как свободу создавать самого себя.

Один из главных исследователей феномена идентичности Эрик Эриксон, определял идентичность как чувство личной тождественности («Я – концепция»), то есть ту статику, которая остается в человеке, несмотря на рост и развитие, а также как социальную принадлежность («Я – часть социальной группы») и идеал саморазвития. Согласно мнению ученого, идентичность – это внутренняя непрерыв-

⁵ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. URL: exsistencia.livejournal.com/2327.html

⁶ Гоффман И. Представление себя другим в повседневной жизни. – М.: Канон–Пресс – Центр, 2000.

⁷ Fogelson R.D. Person, self and identity // Psychosocial theories of the self. – N.Y., L., 1982, p.115-132.

⁸ Фромм Э. Личность в современной культуре // Психология личности. Т. 1. Хрестоматия / Ред.–сост. Д.Я. Райгородский. – Самара: БАХРАХ – М, 2000. С. 233-246.

⁹ Фуко М. История безумия в классическую эпоху. – СПб.: Университетская книга, 1997.

ность и тождественность личности, процесс организации жизненного опыта в индивидуальное. Позитивная идентичность, как изменяющийся набор свойств и ролей, постоянно находится в состоянии конфликта с прошлым, которое надо изжить. Эриксон выделял три основных аспекта идентичности:

- 1) чувство идентичности;
- 2) процесс формирования идентичности;
- 3) идентичность как результат.¹⁰

Современные ученые также указывают на то, что «идентичность – это в разной степени артикулированное, остро и интенсивно переживаемое индивидом, группой, социумом чувство их принадлежности к «своему» миру: самоотождествление с определенной социокультурной средой, ее нормами и ценностями; весьма высокая потребность в одобрении своих действий самой личности (группы) со стороны такой среды и ее авторитетов; чувство неотъемлемой принадлежности к генетическим, историко-культурным, духовным корням этой среды; ощущение

¹⁰ Эриксон Э. Детство и общество. – СПб.: Речь, 2000.

ние и осознание неразрывной связи своего собственного будущего с перспективами этой среды».¹¹

На сегодняшний день существует множество научных парадигм интерпретации данного сложного явления. Вот лишь некоторые из наиболее популярных.

В соответствии с **институциональным подходом** идентичность – это совокупность стереотипов поведения, которые, в свою очередь, формируются соответствующими институтами.¹² Так, например, институты этнической идентичности включают в себя системы этнического представительства и квот; самоуправления, в т.ч. территориальной автономии и этнического суверенитета; все ступени образовательного процесса, культурные практики и информационные потоки на родном языке и т.п., а также рестораны, кафе и магазины с национальным колоритом. Признание факта, что любая разновидность идентичности и, в первую очередь, этническая характеризуется институциональными признаками,

¹¹Глоссарий по политической психологии, 2003. URL: <http://2013lib.ru/dictionary/8/word/identichnost>

¹²Hurrel A. Expanding in Resurgence of Regionalism in World Politics // Review of International Studies. Vol. 21, № 4, October 1995. P. 323–343.

позволяет объективно изучать данный этот феномен. Так понимаемая идентичность рассматривается в качестве одного из факторов, определяющих специфику национального поведения, этнокультурной группы и даже отдельной личности.

Конструктивистский подход к вопросам изучения идентичности основывается на том, что различные объединения людей формируют среду, которая наиболее соответствует их обобщенным интересам. В соответствии с подобной точкой зрения, человеческие сообщества рационально выбирают культурный вектор движения вперед, который наиболее выгоден членам данной этнической или социальной группы.¹³ Подобный подход изучения идентичности сконцентрирован на ее рациональных составляющих. Значительную роль в становлении конструктивистской парадигмы сыграл труд Б. Андерсона «Воображаемые сообщества: размышления по поводу возникновения и распространения национализма», в котором отстаивается тезис о том, что национальное самосознание

¹³ Lawrence R. Robertson. Ethnic Politics in the Russian Republics: Ethnic Revivals and Language Policies. Prepared for the Regional Russia Workshop, the Kennan Institute, Woodrow Wilson Center meeting. Washington DC, January 22-24, 1998.

есть не что иное, как результат деятельности политических и государственных структур. «Воображенность» нации состоит в том, что она представляет собой коллектив, члены которого друг с другом не знакомы, непосредственно друг с другом не взаимодействуют и, тем не менее, рассматривают себя как единую общность с общей судьбой. При этом, полагает Б. Андерсон, все сообщества, кроме «примордиальной» деревни, носят такой же «воображенный» характер.¹⁴

Инструментальная теория определяет характер идентичности через экономические, политические и коммуникационные процессы. Другими словами, человек выбирает ту или иную идентичность из инструментальных соображений – в конечном счете потому, что коллективная идентичность предоставляет доступ к материальным и экономическим ресурсам. Идентичность, по мнению сторонников этой теории, – это сознательный выбор, который делает человек или группа лиц для достижения политической власти или целей экономического характера.

¹⁴ Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. – London, 1983. P. 15.

Основными представителями данной теории являются Д. Белл, Г. Вулп, Н. Глейзер, Д. Мойнихэн. В западной этнологической литературе инструментализм часто называют «ситуационизмом», поскольку сторонники этой концепции рассматривают идентичность как продукт воздействия социальной ситуации.

Такие авторы, как А. Шюц, П. Бергер и Т. Лукман, выработали важное для нашего исследования понимание идентичности как элемента субъективной реальности, индивидуального сознания, которое вступает в диалектические отношения с обществом. Идентичность формируется под влиянием коммуникации с обществом, с одной стороны, и идентичность сама выполняет роль в создании социальной структуры. «В социальных общностях всегда бытуют истории, влияющие на формирование специфических идентичностей. Однако следует учитывать, что создаются и транслируются эти истории социальными субъектами, которые сами являются носителями специфических идентичностей».¹⁵ В главе,

¹⁵ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование // Трактат по социологии знания. - М.: Медиум, 1995. С. 280.

посвященной анализу теоретических аспектов идентичности, уже был поставлен вопрос о той роли, которую современные медиа играют в процессе формирования идентичности молодого поколения. Рассмотрим эту тему подробнее.

С точки зрения теории коммуникации любая идентичность представляет собой комплекс знаков, выступающих в роли фильтров восприятия действительности и маркеров, определяющих отношение к воспринятым явлениям. В других терминах, идентичность есть определенный дискурс, определяющий личную, групповую и мегагрупповую коммуникацию. Так, Б. Андерсон, рассуждая об искусственно сконструированных «биографиях наций», писал: «Сознание помещенности в мирской, последовательно поступательный поток времени, со всей вытекающей отсюда непрерывностью, но вместе с тем и с "забвением" переживания этой непрерывности – продуктом разрывов, произошедших на исходе XVIII

века, – рождает потребность в нарративе "идентичности"». ¹⁶

Хорошо известно, что в прошлые века основными субъектами, которые участвовали в формировании идентичности развивающейся личности, были – помимо личного опыта – семья, церковь, улица, школа. Некоторую роль играли светская и религиозная литература, изобразительное искусство, театр. С XVIII века в области политического мифотворчества возрастает роль прессы – «толстых» журналов и газет.

С XX в. параметры видения реальности в обществе задаются «фабриками новостей». Первостепенная роль СМИ объясняется рядом причин: оперативностью в распространении общественно значимой, затрагивающей интересы людей информации, возможностью одновременного охвата большой аудитории. Помимо этого, именно средства массовой информации, как никакие другие средства коммуникации, способны соединить в эфире или на газетно-журнальной полосе наиболее компетентных в той или иной сфере деятельности людей, сопоставить

¹⁶ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. - М.: Кучково поле, 2001. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/anders/index.php

различные точки зрения и самим ходом дискуссии повлиять на выработку общественного мнения.

Именно средства массовой информации обеспечивают публичность любого высказывания. При этом СМИ дают возможность не только направленного воздействия на аудиторию, но и вовлечения аудитории в обсуждение важных проблем. Обратная связь в виде писем и звонков потребителей информации дает в руки коммуникаторов сильное средство воздействия на аудиторию через иллюзию «соучастия в процессе», что связано с изменением культурных ориентаций массового потребителя информации, с коррекцией их мотивационных и оценочных установок.

Э. Тоффлер также указывает на взаимосвязь между состоянием идентичности и медиа: «Мы не можем изменить наши средства коммуникации и ожидать, что общество останемся неизменным. Относительно небольшое число издаваемых централизованно газет, журналов, радио-и телепередач, фильмов ранее обеспечивали то, что принято называть «монолитным сознанием». Индивиды постоянно соотноси-

ли себя с небольшим понятным набором ролевых моделей, который им предоставляли СМИ.

Интересно трактует проблему идентичности в условиях медиацентризма и немецкий социолог Никлас Луман. Он говорит о том, что медиа конструируют реальность еще на этапе отбора сообщений и выбора комментариев. Перечисляя десять главных правил отбора новостей (как то: неожиданность и новизна информации, предпочтение конфликтов, правонарушения и т.п.), автор утверждает, что через эти «селекторы» «массмедиа могут порождать чувство общей растерянности и возмущения».¹⁷ «Всякая селекция, – пишет Луман. – выводит за рамки контекста и конденсирует определенные идентичности, которые – сами по себе – не содержат абсолютно ничего «идентичного», а должны идентифицироваться лишь в референциальной связи их частого использования, их рекурсивного употребления – и только для этого. Другими словами – идентичность может быть приписана лишь тогда, когда воз-

¹⁷ Луман Н. Реальность массмедиа. – М.: Праксис, 2005. С. 59.

вращаются к чему-либо. Но вместе с тем это означает подтверждение и генерализацию».¹⁸

Самосознание любого общества начинается с истории. Ее символически значимые события формируют смысловую основу национальной и гражданской идентичности. В то же время историческое сознание подвержено незаметному воздействию повседневных перемен. Меняется жизнь и вслед за ней постепенно меняется и историческое сознание. Для современной России это особенно важно, поскольку в постсоветский период отечественная история стала сферой глубоких разногласий, многие аспекты исторического пути России за последние полтора десятилетия неоднократно пересматривались, причем оценки некоторых событий и явлений прошлого в СМИ, школьных учебниках и выступлениях ведущих государственных деятелей страны меняли свой знак с отрицательного на положительный и обратно.

Выполненный в процессе реализации проекта «Россия в 1917 году в восприятии современной молодежи: медиадискурс» анализ посвященных революции текстов, размещенных в традиционных СМИ

¹⁸ Луман Н. Реальность массмедиа. – М.: Праксис, 2005. С. 59.

и социальных сетях показал, что отчетливо выделяются, по крайней мере, семь подходов к пониманию происходивших в то время процессов. Это означает, что мы имеем дело минимум с семью типами исторической идентичности наших современников.

Первый подход.

Ряд авторов утверждает, что материалистическое понимание истории, основы которого заложили К. Маркс и Ф. Энгельс и разработанный ими формационный подход, сохранили свою актуальность. Отсюда делается вывод о том, что 1917 год в России был неизбежен и, более того, будущее столкновение капитализма и социализма так же неотвратимо. Многие авторы пишут о том, что октябрьский политический переворот, не зря был назван Великой Октябрьской социалистической революцией.

Второй подход.

Сторонники второго подхода доказывают, что никакой закономерности в Октябрьской революции не было. Мало того, по их мнению, она была силой навязана нашей истории кучкой большевиков-русофобов, революционных экстремистов и западных агентов то ли Германии, то ли Англии и США,

которые способствовали выплеску первобытных, варварских сил, таящихся в глубинах традиционного общества. Результатом этой революции стало выпадение России из цивилизационного процесса. Отсюда следует вывод о том, что предпринятая в России революция была актом отчаянного авантюризма, на много лет разрушившего возможность для России двигаться по «нормальному» варианту развития по моделям западноевропейских государств.

Факторами, которыми воспользовались авантюристы-большевики, стали Первая мировая война, развившаяся в 1914 г., которая коренным образом изменила ситуацию в России. Миллионы рабочих и крестьян были мобилизованы в армию, сотни тысяч погибли в сражениях с немцами и австрийцами. Скоротечная, победоносная война дала бы царизму большие козыри в отношениях с союзниками и в борьбе с оппозицией внутри страны. Но она не удалась. Недовольство войной с каждым годом нарастало и в армии, и среди населения. Отложенное и откладываемое решение аграрного вопроса соединилось с нежеланием солдата-крестьянина воевать за чуждые ему интересы. Февральская революция вы-

плеснула это недовольство и желание перемен на улицы городов, прежде всего Петрограда.

Третий подход.

Авторы, придерживающиеся третьего подхода, полагают, что политический переворот 1917 г. и последовавшие за ним события – это всего лишь результат случайного стечения обстоятельств (усталость от войны, нетерпения рабочих и крестьян, большевистского заговора, осуществленного на «немецкие деньги» и т.п.). Февралю недоставало и «наметки социального устройства, посредством которого Россия сумела бы заново самоопределиться в мире XX века».¹⁹ Временное правительство действовало и нерешительно, и противоречиво, заигрывая то с Корниловым, то с Советами.

Четвертый подход.

Сторонники четвертого подхода утверждают, что во всем виноваты бездарная российская власть и элита, которые вместо того, чтобы заниматься реформами и образованием, маниакально бросали русских солдат в походы умирать за свои личные клинические прихоти. Вместо того чтобы после Февраля

¹⁹ Гефтер М.Я. 1991. Из тех и этих лет. - М. 1991. С. 404.

приступить к масштабным преобразованиям в экономической, политической и социальной сферах, стремились продолжать войну.

Сторонники этого подхода полагают, что после свержения самодержавия Российское общество оказалось в переходном состоянии: в нем причудливо переплетались черты авторитаризма, либерализма, демократии, анархии и даже тоталитаризма. Мог быть путь через мягкий авторитаризм к либерализму и демократии. Но инерция раскрутившегося после Февраля маховика разрушительных для государства событий повела дальше. К октябрю 1917 года выбор был уже сужен до двух реальных диктатур – генеральской или большевистской. Однако и это не снимает ответственности большевиков за адекватность, реальность последующей государственной политики. Для них определяющей была политическая доктрина марксизма, возможность попытаться решить планетарные вопросы. Национальные интересы России представлялись при этом частностью.

Пятый подход.

Его сторонники утверждают, что большевики воспользовались плодами буржуазно-

демократической революции и, не дав прийти в себя народным массам, запустили маховик формирования тоталитарного общества.

Шестой подход.

Ряд авторов полагает, что 1917 год стал следствием внутреннего кризиса отечественной духовности. Один из экзотических аргументов в пользу этой позиции звучит следующим образом: почти в каждой российской семинарии когда-либо существовал тайный кружок. Процент выходцев из духовного сословия в среде революционеров был непропорционально велик. Среди народников дети духовенства составляли 22 процента, в то время как в населении страны доля духовенства составляла лишь 0,9 процента. Лидеры РСДРП(б) А.И. Микоян, Н.Н. Подвойский и И.В. Сталин вышли из стен духовной семинарии.²⁰

Седьмой подход.

Некоторое количество авторов поддреживает позицию министра культуры России Владимира

²⁰ Скутнев А.В. Приходское духовенство: особенности менталитета и неканоническое поведение (вторая половина XIX начало XX вв.). <https://cyberleninka.ru/article/n/prihodskoe-duhovenstvo-osobennosti-mentaliteta-i-nekanonicheskoe-povedenie-vtoraya-polovina-xix-nachalo-xx-vv>

Мединского, который выступил 20 мая 2015 года в Музее современной истории России на круглом столе «100 лет Великой российской революции: осмысление во имя консолидации». Мединский констатировал следующее.

- Произошедшая в 1917 году Великая российская революция навсегда останется одним из важнейших событий XX века. При всем расхождении взглядов на события почти столетней давности невозможно отрицать тот факт, что попытка построения на земле нового справедливого общества решающим образом изменила пути исторического развития России и оказала громадное влияние на прогресс народов всей планеты.
- Революционная трансформация России положила начало новому глобальному мировому проекту. Прошедшие 100 лет показали, что существует живая преемственность в развитии страны от Российской империи к Советскому Союзу и далее – к Российской Федерации.
- Объективное изучение периода революции позволяет нам сегодня осознать всю трагич-

ность раскола общества на противоборствующие стороны. Но нельзя постоянно делить предков на однозначно правых и виноватых, ведь каждая сторона по-своему понимала, как добиться процветания Родины. И «красными», и «белыми» двигал патриотизм. Дань уважения предкам является лучшим стимулом для нового витка духовного развития.

Опираясь на эти утверждения, Владимир Мединский сформулировал пять тезисов, которые предлагается использовать для общественного обсуждения при выработке единой платформы национального примирения:

- 1) признание преемственности исторического развития от Российской империи через СССР к современной России;
- 2) осознание трагизма общественного раскола, вызванного событиями 1917 года и Гражданской войны;
- 3) уважение к памяти героев обеих сторон («красных» и «белых»), искренне отстаивавших свои идеалы и невиновных в массовых репрессиях и военных преступлениях;

- 4) осуждение идеологии революционного террора;
- 5) понимание ошибочности ставки на помощь зарубежных «союзников» во внутриполитической борьбе.²¹

Статья подготовлена в рамках проекта № 15-36-12000 «Россия в 1917 году в восприятии современной российской молодежи: медиадискурс», поддержанного РФФИ.

²¹ Документ дня: Платформа национального примирения России. Министр культуры России сформулировал пять тезисов, обеспечивающих преемственность истории страны. URL: <http://lenta.ru/articles/2015/05/20/medinskyvoice/>